

DOI 10.19181/nko.2022.28.1.2

УДК 321

А. В. Ролёнок¹

¹ Минск, Республика Беларусь.

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: КЕЙС БЕЛАРУСИ

Аннотация. В статье рассматривается феномен амбивалентности глобализации на примере кейса Беларуси. Теоретической рамкой и методологической основой анализа выступают концепции амбивалентности модерна Зигмунта Баумана, множественности модерна Шмуэля Эйзенштадта, глокализации Ролана Робертсона и множественности потоков глобализации Арджуна Аппадурои, Малкольма Уотерса, Джона Урри. Автор статьи исследует неравномерную включенность Беларуси в процессы глобализации в политическом, военном, экономическом и экологическом измерениях. Дополнительно автор анализирует формирование авторитарного политического режима в Беларуси (новый авторитаризм в терминологии Ежи Вятра) и проявление такого феномена, как глобализация авторитаризма. Фиксируется, что Беларусь становится региональным и глобальным актором, донором авторитаризма (включение в глобализацию через экспансию авторитаризма). Отдельное внимание уделяется гражданским протестным событиям, которые происходили в Беларуси в 2020–2021 гг. и способствовали формированию новой политической субъектности (гражданской национальной идентичности) и ответной консолидации авторитарного политического режима. Автор приходит к выводу, что Беларусь является примером усиления (в аспекте патернализма и авторитарного государственного управления населением) роли национального государства (белорусской автократии) в контексте закрытия границ из-за пандемии и новой волны де-глобализации.

Ключевые слова: амбивалентность модерна, множественная современность, глобализация, глокализация, новый авторитаризм, глобализация авторитаризма, Беларусь, де-глобализация.

Для цитирования: Ролёнок А.В. Амбивалентность глобализации: кейс Беларуси // Наука. Культура. Общество. 2022. Том 28, № 1. С. 20–32. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.2

Теоретические рамки. Идея амбивалентности, вынесенная в заглавие, может быть понята в рамках интерпретации амбивалентности модерна, предложенной Зигмунтом Бауманом. Модерн, философски понимаемый как проект (Просвещения) по построению культурно гомогенного рационального социального порядка и эмансипации человечества в процессе своего исторического воплощения/реализации приводит к двойственным результатам: технический прогресс и рост цивилизации соседствует с Холокостом, отчуждением (уничтожением традиционных сообществ), неравенством. Бауман демонстрирует амбивалентность модерна на примере холокоста. В своем оригинальном исследовании он выдвигает гипотезу о том, что Холокост был не просто частью еврейской истории или патологией современного общества (последствия нацизма и фашизма, иррациональным выбором, варварством), а «характерным явлением модерна» [1, с. 14] и что именно сам модерн является условием возможности холокоста (технологический прогресс, рационализация, бюрократизация, уровень развития цивилизации). «Холокост был не просто еврейской проблемой и не просто одним из событий одной лишь еврейской истории. Холокост возник и случился в нашем современном обществе, на высшей стадии нашей цивилизации, на пике культурных достижений человечества, и по этой причине это проблема общества, цивилизации и культуры» [1, с. 14].

Можно привести и другую цитату: «Я не хочу сказать, что значение холокоста целиком определяется влиянием на него современной бюрократии или культурой прикладной рациональности, воплощением которой она является. Современная бюрократия вовсе не должна приводить к явлениям, подобным холокосту. Однако я хочу сказать, что правила прикладной рациональности сами по себе не в состоянии предотвратить такие явления. В этих правилах нет ничего, что отменяло бы схожие с холокостом методы «социальной инженерии» как непригодные, а дела, которым они служат, – как иррациональные. Кроме того, я хочу сказать, что бюрократическая культура, которая побуждает нас относиться к обществу как к объекту администрирования, как скопищу множества «проблем» требующих решения, как к «природе», которую нужно «контролировать», «преодолевать», «улучшать», или «переделывать», как законному объекту «социальной инженерии», и вообще как к саду, который нужно спланировать и поддерживать в изначальной форме с помощью силы (внутри сада все растения делятся на «культурные», о которых нужно заботиться и сорняки, которые нужно вырывать), и была той атмосферой, в которой идея холокоста могла быть замыслена, медленно, но последовательно развита и доведена до завершения. И я также хочу сказать, что дух прикладной рациональности и ее современная бюрократическая форма институционализации сделали решения, подобные холокосту, не только возможными, но и в высшей степени «благоразумными» и увеличили вероятность выбора в их пользу. Увеличение вероятности совсем не случайно связано со способностью современной бюрократии координировать действия великого множества моральных индивидов в направлении любых, в том числе и аморальных, целей» [1, с. 134-135].

Модерн, таким образом, не следует отождествлять с единственным проектом Просвещения. Его также следует мыслить не только амбивалентно с точки зрения последствий, но и плюралистично с точки зрения форм (культурных программ). Существует множество проектов модерна. Подобный подход реализован в интерпретации Шмуэля Эйзенштадта, Бьёрна Виттрока и др. «Идея «множественной современности» (multiple modernity) предполагает, что лучший способ понимания современного мира, – точнее, объяснения истории современности, – рассматривать ее как длительную историю построения и реконструкции разнообразных культурных программ. <...> Одно из наиболее важных значений термина «множественная современность» состоит в том, что современность и «вестернизация» не идентичны; западные модели современности – отнюдь не единственные «аутентичные» модели современности, хотя они являют собой исторический прецедент и продолжают служить ориентиром для других» [2, с. 2–3].

В рамках данной концепции также фиксируется изменение роли и ослабление национального государства: «Идеологическая и символическая ценность идеи национального государства, его позиции как харизматического сосредоточения основных компонентов культурной программы современности и коллективной идентичности была ослаблена.<...> «Все это свидетельствует о разрушении основных структурных характеристик и ослаблении идеологической гегемонии идеи сильного национального государства» [2, с. 16, 18].

Эйзенштадт обозначает инклюзивную незавершенность модерна, проявляющуюся в том числе в контексте его глобализации. «Процесс глобализации в современном мире не содержит ни «конца истории» ... ни «столкновения цивилизаций» ... Далее, развитие глобализации идет по следующему пути: поиски новых интерпретаций культурной программы современности; построение

множественной современности; попытки различных групп и движений освоить и определить дискурс современности в своих собственных терминах. <...> Хотя общей отправной точкой был анализ западной культурной программы современности, последние события показали существование разнообразия культурных и социальных систем, выходящих далеко за пределы оригинальной версии. Данные события свидетельствуют о продолжающемся росте разнообразных проявлений современности или разнообразных интерпретаций современности и, более того, о попытках «девестернизации», лишаящих Запад его монополии на современность» [2, с. 23–24].

Глобализация в этом контексте может быть понята амбивалентно с точки зрения последствий процессов социальной трансформации. Глобализм, например, стремится представить глобализацию в форме единого мета-нарратива (по аналогии с отождествлением модерна и проекта Просвещения) – единого мира открытых границ, мобильности, общего рынка, торжества либеральной демократии, конца национального суверенитета государств, режима прав человека и др. Деконструкция этого нарратива обнаруживает двойственность глобализации (открытость и взаимозависимость vs закрытость и «автаркия»). «Принято считать, что суверенитет есть абсолютная, неделимая и единственно возможная форма государственной власти. Модели регионального и глобального изменения трансформируют контекст политического действия, образуя систему многочисленных центров власти и взаимопересекающихся сфер ее проявления – поствестфальский порядок. <...> Глобализация, как мы уже неоднократно подчеркивали, никоим образом не является всего лишь гомогенизирующей силой» [3, с. 523–524].

Наряду с положительными наличествуют и негативные последствия глобализации – увеличение бедности [4] и глобальное неравенство, этническое насилие, экологические риски, государственный протекционизм, кризис идентичностей/индивидуализация и фрагментация социальной жизни, производство человеческих отходов (беженцы) и др. Идея амбивалентности глобализации связана также с пространственной дихотомией глобальное-локальное. В этом контексте глобализация понимается не только как универсализация и увеличение ощущения общего мира (экстерриторизация), но и как ответная защитная реакция на вызовы глобализации в рамках конкретного локального/территориально ситуированного национального государства (де-территоризация). Именно поэтому некоторые авторы (например, Р. Робертсон) предлагают использовать термин «глокализация» как более адекватный для тематизации актуальных экономических, социально-политических и культурных трансформаций современного мира.

Глобализацию нужно понимать не только амбивалентно по последствиям, но и плюралистично по форме. Существует множество измерений, траекторий и циклов глобализации. Потоки и сети локального и глобального образуют уникальные ландшафты на территории национальных государств (свой путь глобализации). Именно поэтому множество исследователей глобализации предпочитают использовать термин «глокализация» [5], который ввел Р. Робертсон и говорить о глобализации во множественном числе (не глобализация, а глобализации). Я предпочитаю говорить о глобализации модерна и глобальных модернах (global modernities) – подход, представленный в одноименном сборнике [6] и созвучный идее «множественного модерна» в интерпретации Ш. Эйзенштадта.

Некоторые исследователи спешат объявить конец глобализации или утверждают (см. например, Д. Иванов) об исчерпанности дискурса глобализации (кризисе глобализационной парадигмы) и о том, что социальные изменения теперь правильнее рассматривать как постглобализацию. «Преодоление этого парадигмального кризиса следует начать с признания элементарного факта: глобализация оказалась не тем, чем казалась 30 лет назад. Не сложилась глобальная современность: нет распространения на весь мир социальных структур современности – институтов развитого индустриального общества [7]. Не сформировалась глобальная социальность: нет превращения мира в единое, избавленное от национально-государственных и этнокультурных барьеров социальное пространство [8-9]. Вместо глобальной современности, глобальной социальности наблюдаемые тенденции изменений привели к образованию анклавов глобальности, где новая, «обогащенная» социальность создается сетями и потоками, и к нарастанию разрывов между этими анклавами и остальными территориями и сообществами, где даже привычная социальность индустриальной эпохи становится «истощенной»» [10, с. 45-56].

Эти тенденции можно рассматривать также в перспективе де-глобализации, о которой писал шведский профессор Г. Терборн: «Современные глобализации не являются исторически уникальными... Что же касается тенденций к глобальному охвату или влиянию, то, на мой взгляд, мы можем выделить, по меньшей мере, шесть больших исторических волн, первая из которых относится к распространению мировых религий и утверждению межконтинентальных цивилизаций в IV–VII столетиях нашей эры. По мере того, как все эти волны в свое время угасали, за ними следовали более долгие или короткие периоды де-глобализации. Но волны не следовали одна за другой и не вытекали одна из другой. Это значит, что закат одной волны мог по времени совпасть с подъемом другой. Хотя, как мне представляется, ничто не свидетельствует о наличии какой-либо определенной цикличности в волнах глобализации, они имеют некоторые общие черты. Все они были многомерными, включая в себя военно-политические, экономические и культурные силы и процессы, хотя каждая и имела одну доминирующую составляющую <...> Иными словами, у нас мало оснований считать современную глобализацию конечной остановкой социальной истории»¹.

Беларусь в контексте глобализации. Беларусь как национальное государство, конечно же, включена в процессы глобализации. Это включение неравномерно – нет изоморфизма измерений. Можно это подтвердить посредством обращения к таким измерениям, как военное, политическое, экономическое и экологическое.

- *Военная глобализация.* Одним из ключевых аспектов военной глобализации является мировая торговля оружием и поставки вооружения. По данным Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI), Беларусь вошла топ-20 самых крупных мировых поставщиков/экспортеров оружия в 2019 году с мировой долей в 0,3%². «Это не должно на-

¹ Goran Therborn (2001) Globalization and Inequality: Issues of conceptualization and of Explanation. Social Welt. No. 4. Цит. по: Терборн Г. Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // Социологическое обозрение. 2005. Т. 4, № 1 [11, с. 33].

² Цит. по: Беларусь вошла в число крупнейших мировых экспортеров оружия // Евразия.Эксперт: [сайт] 12 марта 2019. URL: <https://eurasia.expert/belarus-voshla-v-chislo-krupneyshikh-mirovykh-eksporterov-oruzhiya/> (дата обращения 20.11.2021).

водить на мысль, что конец суверенного национального государства близок; наоборот, государство сохраняет свое центральное место в рамках мирового военного порядка» [3, с. 175]. Сообразно логике национального суверенитета у Беларуси есть собственная Концепция национальной безопасности³, принятая в 2010 году и Военная доктрина⁴, принятая в 2016 году. «Доктрина национальной безопасности остается одним из самых важных принципов современной государственности. Способность государства самостоятельно защищаться от внешней угрозы есть главный (или наиболее существенный) элемент традиционных представлений о суверенитете» [3, с. 171]. Однако Беларусь также участвовала в процессах региональной интеграции (Договор о создании союзного государства с РФ, ОДКБ и ЕАЭС, программа Восточного партнерства с ЕС). В 2020–21 годах существенно усилилась интеграция с РФ, в планах на год присутствует намерение о принятии Беларусью и Россией новой Военной доктрины Союзного государства. Если вектор евразийской интеграции (с РФ первично) осуществится, то Концепция национальной безопасности и нейтральный статус РБ попадут под влияние альянса «коллективной безопасности» и Военной доктрины Союзного государства, а значит государственный суверенитет будет существенно ограничен.

• *Глобальная торговля, глобальные рынки.* Это измерение является наиболее исторически и институционально развитым. «Современная глобализация торговли изменила представление о независимости государства и вызвала изменения в государственной политике. Кроме того, глобальное регулирование торговли такими органами, как ВТО, подразумевает существенный пересмотр Вестфальского определения государственного суверенитета» [3, с. 220]. Глобализация, движимая идеалом открытости торговли и общим глобальным рынком, стремится положить конец политике национального протекционизма и использует для этого международное регулирование (ВТО, тарифы, торговые соглашения). Беларусь торгует со многими странами мира⁵, но не является членом ВТО, хотя заявку подавала еще в 1993 году. Отсутствие политической воли, собственная протекционистская экономическая политика (включая определение приоритетов и партнеров во внешней торговле), обязательства в рамках иных союзов (ЕАЭС) и нежелание отказываться от масштабного субсидирования сельского хозяйства являются причинами не-включенности Беларуси в ВТО. Но утверждение, что «автаркия, или «отделение», тоже снята сегодня с политической повестки дня» [3, с. 220], является на взгляд из 2021 года явно преждевременным. Автаркия и протекционизм – особенно под влиянием внешних санкций или в контексте торговых войн – могут принимать новые формы. Это аргумент в пользу тенденции де-глобализации. Автаркии могут объединяться или «отделяться» общим торговым пространством (доказательство этого тезиса требует отдельного исследования по исторической динамике торговли и в сравнительной перспективе различных стран, регионов). Основ-

³ Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утверждена Указом Президента РБ от 9 ноября 2010 г. № 575 // Министерство обороны РБ. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/konsep/ (дата обращения 20.11.2021).

⁴ Военная доктрина Республики Беларусь : Закон РБ от 20 июля 2016 г. № 412-3 // Министерство обороны РБ. URL: https://www.mil.by/ru/military_policy/basic/doktrina/ (дата обращения 20.11.2021).

⁵ Торговые отношения со 100 странами зафиксированы в данных Национального статистического комитета РБ о внешней торговле по отдельным странам в январе-сентябре 2021 г. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sektor-ekonomiki/vneshnyaya-torgovlya/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/operativnye-dannye/> (дата обращения 18.11.2021).

ным торговым партнером Беларуси, как свидетельствует статистика товарооборота и экспорта⁶, всегда являлась РФ. После протестных событий 2020 года и расширения санкций в 2021 году (со стороны ЕС, США и др.) Беларусь и РФ увеличили товарооборот, а вместе с ним – политическую, экономическую и военную интеграцию, также Беларусь получила политическую поддержку и легитимность со стороны РФ (признали результаты президентских выборов 2020 г).

• *Глобализация и окружающая среда.* Экологические проблемы формируют объективную глобальную повестку дня и немногие национальные государства могут игнорировать или исключать экологические проблемы из публичных дискуссий. Все государства вне зависимости от географического положения, типа политического режима, экономической целесообразности, культурной специфики и, тем более, идеологической риторики принадлежат к «сообществу с общей экологической судьбой». Например, проблема глобального потепления и истощения озонового слоя заставляет все теснее переплетаться национальные политики в области транспорта, сельского хозяйства, лесоводства и энергетики с международными обязательствами и перспективами на будущее. «Такие экологические проблемы, как глобальное потепление, истощение озонового слоя и использование ресурсов порождает «сообщество с общей экологической судьбой», которое превосходит любое отдельное национальное государство» [3, с. 485].

Несмотря на этот глобальный горизонт фактичности экологических угроз и рисков, некоторые государства продолжают осуществлять протекционистскую и автаркическую политику, тем самым усиливая глобализацию экологических рисков. Выход США в 2017 г. (по инициативе президента Д. Трампа в рамках политики «Америка прежде всего») из Парижского соглашения по климату 2015 года является печально известным примером. Строительство белорусской АЭС в г. Островец, рядом с литовской границей также является уместным примером генерации глобальных рисков со стороны новых автаркий или авторитаризмов: отсутствие открытых публичных обсуждений как внутри страны, так и за его пределами (со странами-соседями, региональными партнерами, международными организациями) при проектировании, отсутствие в полной мере прозрачности при строительстве и вводе в эксплуатацию.

Если, с одной стороны, «глобализация бросает вызов территориальному принципу, как единственному или первичному основанию для организации политического правления и осуществления политических властных полномочий» [3, с. 509]. То, с другой стороны, не существует действенных механизмов международного права и институций, способных ограничивать осуществление властных полномочий национального государства на определенной территории/юрисдикции (даже при наличии глобальных последствий и рисков). «Не существует никакого механизма, с помощью которого можно было бы заставить несогласное государство принять то или иное решение» [3, с. 485]. Примеры с Трампом и белорусской АЭС в очередной раз подтверждают этот амбивалентный характер глобализации. Дополнительно стоит упомянуть, что в 2022 году

⁶ Россия продолжает оставаться основным торговым партнером Беларуси: на долю России в 2020 году пришлось 47,9 процента стоимостного объема внешней торговли товарами, 45,2 процента – экспорта, 50,2 процента – импорта (в 2019 году доля России во внешней торговле Беларуси со всеми странами мира составляла 49,3 процента, в экспорте – 41,5 процента, импорте – 55,8 процента). Источник: МИД РБ. URL: <https://mfa.gov.by/bilateral/russia/regions/economy/> (дата обращения 18.11.2021).

Беларусь могут лишиться членства в Орхусской конвенции⁷ за репрессии в адрес правозащитных и экологических организаций, последовавших после протестов 2020 года⁸.

Беларусь является примером усиления (в аспекте патернализма и авторитарного государственного управления населением) роли национального государства (белорусской автократии) в контексте закрытия границ из-за пандемии и новой волны де-глобализации.

О регрессивной социальности. Местные эксперты и социальные теоретики также обращаются к анализу белорусских реалий в контексте глобализации. Стоит выделить работы В. Фурса, где автор, опираясь на концептуальный аппарат современной социальной теории предлагает использовать термин «регрессивная социальность» как подходящий для фиксации специфики белорусского кейса (белорусская ответная реакция на глобализацию) [12–13].

Это понятие обсуждалось и много позже при участии белорусских, российских и литовских экспертов, поставивших задачу переформулировать вопрос о европейской перспективе для Беларуси в вопрос о содержательном наполнении формальной идеи автономии в белорусском «здесь и сейчас». «В нашей собственной исследовательской оптике белорусское «здесь и сейчас» – это, прежде всего, специфический опыт глобализации в постсоветском контексте. Особенность предложенной трактовки состоит в том, что белорусский государственный авторитаризм в ней первично воспринимается не во внутрисоциетальной перспективе (как порождение имманентных противоречий посткоммунистического общества), а в системе координат глобализации (как продукт местного преломления транснациональных «поток» и реакция на проблемы, генерируемые глобализацией)» [14].

Предложенный Фурсом термин эксперты сочли «не совсем удачным и релевантным», обозначив следующее: 1) сложность восприятия самого понятия, двойственность и неоднозначность трактовок его составных частей (например, регрессии); 2) концепт не получил дальнейшей проработки после смерти автора; 3) концепт «регрессивная социальность» не используется в актуальной социальной/социологической теории – что обоснованно может вызывать скепсис в оценке его эвристичности. Однако содержательное описание формирования и легитимности белорусского патерналистского авторитарного государства заслуживает внимания. «Официальная версия национального проекта, несмотря на свои очевидные достоинства (позитивную направленность – на строительство, а не на разрушительную борьбу, консолидацию белорусского общества, обеспечение минимально приемлемого уровня счастливой жизни белорусов), является принципиально ущербной: во-первых, данный национальный проект подчинен задаче самосохранения белорусского авторитарного режима и не ориентирован на формирование полноценной нации, во-вторых, он устроен так, что блокирует креативность и поэтому, несмотря на свои временные успехи, является тупиковым путем развития» [15].

Саму же альтернативу, которую предлагает Фурс, официальному национальному проекту (горизонтальный общественный диалог в форме инклюзивного

⁷ Орхусская конвенция – конвенция Европейской Экономической Комиссии ООН «О доступе к информации, участии общественности в принятии решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды».

⁸ 21 октября 2021 года в Женеве принято решение о лишении Беларуси привилегий по Орхусской конвенции с 1 февраля 2022 года, если до 1 декабря 2021 г. не будет восстановлена регистрация ООН «Экодом».

гражданского национализма) можно и нужно актуализировать. Методологически она исходит из денатурализации идеи нации и преодоления методологического национализма. Хотя преодолевать также стоит и методологический космополитизм (в терминологии Бека) – что, собственно говоря, Фурс и проделывает, критикуя глобализм и космополитизмы [13].

Новый белорусский авторитаризм. Постсоветские трансформации для Беларуси, испытывающей колониальное влияние Российской империи, СССР, РФ (см. [11]), обернулись не переходом к демократии и гражданскому обществу, а ре-советизацией политических практик и институтов, и, как следствие, формированием «нового авторитаризма» в терминологии Е. Вятра. Новый авторитаризм понимается Вятром как «возникновение гибридных режимов, которые сочетают электорально выраженную волю избирателей и централизацию государственной власти в руках верховного лидера и/или управляющей олигархии, а также деструкцию верховенства закона, краеугольным камнем которого выступают независимые суды. Такая система называлась различными именами, будь то «контролируемая демократия» (Питер Анианг Нионго), «делегативная/представительская демократия» (Гильермо О’Донелл), «электоральный авторитаризм» (Илтер Туран), «нелиберальная демократия» (Фарид Закариа)... мы выбрали термин «новый авторитаризм», чтобы подчеркнуть преемственность со старыми формами авторитаризма и новизну текущего феномена, который в отличие от «старого» авторитаризма, не основывается на исключительно голей силе/власти, но успешно ищет публичной поддержки, выраженной в оспариваемых выборах» [16, с. 5].

Белорусский авторитаризм оформился в период с 1994 по 2001 гг. посредством референдумов 1995, 1996 годов и последующим конституционным переворотом (роспуском парламента – Верховного совета 13 созыва), маргинализацией оппозиции и устранением политических противников. Устойчивость политическая система получала посредством фальсификации результатов парламентских и президентских выборов (2006, 2010, 2015), когда политическая конкуренция подавлялась. Каждые президентские выборы заканчивались протестами (палаточный городок на центральной площади Минска в марте 2006 году, массовый выход людей на центральную площадь в Минске в декабре 2010). Эти протесты быстро подавлялись, начинались ответные репрессии в виде тюремных заключений лидеров и активистов, ликвидация структур гражданского общества и правозащитных организаций, независимых медиа. «Новому» белорусскому авторитаризму (персонализированному в фигуре А. Лукашенко) нужны постоянные «плебисциты» (выборы, референдумы, Всебелорусские народные собрания) для легитимизации политического режима и симуляции народной/электоральной поддержки (в контексте дефицита международной поддержки и признания).

Глобализация авторитаризма. Если глобализация не универсальный процесс (вестернизации, западного модерна, американизации), а множественный – с разными измерениями и направлениями, то циркулировать в глобальной среде могут не только неолиберальная экономика и демократия (либерализация, демократизация, капитализм), но и распространяться фундаментализм, национализм, авторитаризм. Если наличествует множество потоков и сетей мобильности (скейпов), то по той же логике и по тем же сетям, и в рамках аналогичных потоков («идеоскейпы» в терминологии А. Аппадурай [17]) происходит глобализация авторитаризма – распространение самой идеи и институциональной практики.

В последние годы появились публикации (индивидуальные и коллективные монографии), обсуждающие данный феномен и подтверждающие его актуальность [18-21]. Их авторы сходятся во мнении, что авторитаризм популяризируется в контексте кризиса либеральной демократии и глобальной экономики. «Неолиберальная глобализация переживает глубокий кризис. Этот кризис проявляется в глобальном масштабе и воплощает в себе ряд фундаментальных противоречий, центральным из которых является глобальный подъем авторитаризма и фашизма. Эта возникающая форма авторитаризма является реакцией правых на проблемы, порожденные глобализацией, поддерживаемой и финансируемой некоторыми из крупнейших и наиболее могущественных корпораций в их атаке на социальные движения левых, чтобы предотвратить появление социализма против глобального капитализма» [20, с. 10].

Также отмечается, что авторитарные режимы не только подавляют внутренних сторонников демократических реформ, но и пытаются изменить ценности и нормы за рубежом, чтобы ограничить сферу действия демократии на мировом уровне. Новые вызовы со стороны авторитарных режимов проявляются в манипулировании в сфере СМИ (китайские, российские, иранские телевизионные каналы с международным вещанием), ослаблении демократических и правозащитных механизмов/институтов (например, ОБСЕ) и организаций, которые занимаются управлением интернетом. Кроме того, – что особо важно для кейса Беларуси, – авторитарные государства создают новые объединения/организации с целью экспансии авторитарных норм (неограниченного международным правом суверенитета) в региональный/глобальный контекст (например, Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз) [18]. Это оценка не лишена оттенка дискурса «холодной войны» ...

События 2019-2021 годов, связанные с пандемией и локдаунами, лишь усилили циркуляцию идеи авторитаризма в контексте глобальной идеологической конкуренции (авторитарные политические режимы пытаются продемонстрировать свою эффективность в территориальной/локальной борьбе с COVID-19). До протестных событий 2020 года «пропаганда» в РБ активно использовала образ «Беларусь – последняя диктатура Европы» в качестве белорусского национального бренда в международном (глобальном) контексте⁹. Множество публикаций в государственных научных и популярных журналах поднимали тему *белорусской модели развития*, у которой множество измерений (например, идеологически ангажированные авторы пишут о подлинности белорусской модели народовластия (демократии) и государственности [22]). Беларусь становится глобальным актором, донором авторитаризма в контексте глобализации и регионализации (включение в глобализацию через экспансию авторитаризма), что лишней раз подтверждается миграционным кризисом конца 2021 года.

Заключение. В 2020 году происходит разрушение авторитарной гегемонии (официального национального проекта) и легитимности политического режима. Массовые протесты – как в столице, так и в регионах, – против результатов выборов и чрезмерного насилия со стороны силовых структур (ОМОН, антитеррористические подразделения, внутренние войска, иные структуры МВД) способствовали национальному возрождению и формированию новой поли-

⁹ См., например, интервью Н. Эйсмонт, пресс-секретаря президента Республики Беларусь в программе «Марков.Ничего личного» // Youtube-канал Телеканала ОНТ. 7 марта 2019. URL: <https://youtu.be/hmkG-x284rA> (дата обращения 20.11.2021).

тической субъектности. Важным фактором в проявлении национального самосознания белорусов стало циничное отношение к распространению пандемии: отрицание серьезности ситуации, замалчивание статистики по заболеваемости и смертности, недостаточная защита и поддержка медиков и другие просчеты в борьбе с COVID-19 в 1 и 2 волну. В блогосфере и Телеграм-каналах активно критиковались неэффективные действия государства (например, каналы С. Тихановского, С. Путило, И. Лосика и др.).

На «брошенность» и цинизм власти общество ответило самоорганизацией – помощь нуждающимся (доставка продуктов), своевременное обеспечение медиков нужными средствами индивидуальной защиты и другие инициативы, распространяемые по принципу краудфандинга, а также посредством блогов, социальных сетей и Телеграм-каналов. Усилились горизонтальные социальные связи, солидарность, организационная структура гражданского общества и сети коммуникации. Белорусское общество (как коллективный субъект) летом 2020 года было максимально мобилизовано и требовало политических перемен и новых политических лидеров. Случай с полным отключением интернета в августе 2020 года (на 3 дня после выборов), как с частичным отключением мобильного интернета на время протестных акций, дополнительно свидетельствует о степени потенциальной закрытости и произвола белорусского авторитарного режима.

Полгода активных протестных действий в разных форматах (общие воскресные марши, женские марши по субботам, марши пенсионеров по понедельникам, марши людей с инвалидностью, районные марши в городах, акции стачководов, локальные и дворовые акции) не привели к смене политической власти или началу диалога. Политический режим использовал беспрецедентный силовой сценарий – массовые репрессии в отношении лидеров, активистов и просто участников протестных движений, администраторов Телеграм-каналов; закрытие независимых медиа (включая крупнейший медиа-ресурс Тут.Бай); фактическое уничтожение гражданского общества. Репрессии распространились на всех участников протеста, не стали исключением и представители управленческой вертикали. Специально для борьбы с инакомыслием были ужесточены законы, а к участникам протестов начали применять не административные, а уголовные статьи и наказывать реальными сроками.

К лету 2021 года протест ушел с улиц и перешел в виртуальные пространства, диаспоры, локальные сообщества. В результате раскола в обществе и утрате легитимности политического режима произошла консолидация белорусского авторитаризма с признаками тоталитаризма (с тоталитарными тенденциями). Популярный тезис о конце национального государства или его ослаблении в этом контексте воспринимается изнутри белорусского ландшафта весьма иронично. Реальность и силу репрессивных и идеологических аппаратов национального государства белорусы почувствовали на своем собственном теле и в предельно территориально структурированном пространстве.

Библиографический список

1. *Бауман, З.* Актуальность Холокоста. М. : Изд-во «Европа», 2010. 316 с. ISBN 978-5-9739-0193-6.
2. *Eisenstadt, S. N.* Multiple Modernities // *Daedalus*. 2000. Vol. 129, № 1. Pp. 1-30.
3. Глобальные трансформации : Политика, экономика, культура / Д. Хелд [и др.] ; пер. с англ. В. В. Сапова [и др.]. М. : Праксис, 2004. 576 с. ISBN 5-901574-35-4.
4. *Stiglitz, J.* Globalization and its discontents. Great Britain : Allen Lane, The Penguin Press, 2000.

5. *Robertson, R.* Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // *Global Modernities* / M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson (eds). London : SAGE Publications, 1995. Pp. 25-44. DOI: 10.4135/9781446250563.N2.

6. *Global Modernities* / M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson (eds). London : SAGE Publications, 1995. 292 p. DOI: 10.4135/9781446250563.

7. *Гидденс, Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М. : Весь Мир, 2004. 120 с. ISBN 5-7777-0304-6.

8. *Robertson, R.* Globalization: Social Theory and Global Culture. London: SAGE Publications, 1992. 211 p. ISBN 0-8039-8187-2.

9. *Robertson, R.* Mapping the Global Condition: Globalization as a Central Concept // *Theory, Culture & Society*. 1990. Vol. 7, No. 2. Pp. 15-30. DOI: 10.1177/026327690007002002.

10. *Иванов, Д. В.* Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации // *Социологические исследования*. 2020. № 5. С. 44-55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9.

11. *Терборн, Г.* Глобализация и неравенство: проблемы концептуализации и объяснения // *Социологическое обозрение*. 2005. Т. 4, № 1. С. 31–62.

12. *Фурс, В.* Белорусская «реальность» в системе координат глобализации (постановка вопроса) // *Топос*. 2005. № 1. С. 5–18.

13. *Фурс, В.* Белорусский проект «современности»? // *Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели*. Вильнюс : Изд-во ЕГУ, 2007. С. 43–59.

14. Регрессивная социальность? Постсоветские общества в системе координат глобализации (круглый стол, приуроченный к 10-летней годовщине со дня смерти Владимира Фурса) // *Топос*. 2020. № 2. С. 64–78.

15. *Фурс, В.* К вопросу о «белорусской идентичности» // *Новая Эўропа*. 05.12.2008. URL: https://n-europe.eu/article/2008/12/05/k_voprosu_o_belarusskoi_identichnosti_1 (дата обращения 19.11.2021).

16. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century* / Ed. by J. Wiatr. Opladen; Berlin; Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2019. DOI: 10.2307/j.ctvdf08xx.

17. *Appadurai, A.* Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization. Minneapolis; London : Univ. of Minnesota Press, 1996. 229 p.

18. *Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy* / Ed. by Larry Diamond, Marc F. Plattner and Christopher Walker. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2016. 256 p. ISBN 978-1421419978.

19. *Bogaert, K.* Globalized Authoritarianism: Megaprojects, Slums, and Class Relations in Urban Morocco. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press, 2018. 312 p. ISBN 9781517900816.

20. *The Global Rise of Authoritarianism in the 21st Century: Crisis of Neoliberal Globalization and the Nationalist Response* / Ed. by Berch Berberoglu. Routledge, 2020. 324 p. ISBN 978-0367426781.

21. *Bloom, P.* Authoritarian Capitalism in the Age of Globalization. UK : Essex Business School, University of Essex, Edward Elgar Publishing Ltd, 2016. 232 p. ISBN 978-1-78471-313-3.

22. *Байнев, В., Винник, В.* Подлинное народовластие и народная государственность // *Беларуская думка*. 2010. № 11. С. 64–68.

Дата поступления в редакцию: 23.11.2021.

Принята к печати: 20.12.2021.

Сведения об авторе:

Андрей Владимирович Ролёнок, независимый исследователь, магистр философии.

Минск, Республика Беларусь.

e-mail: rolyenok@gmail.com

A. V. Rolionok¹

¹ Minsk, Belarus.

AMBIVALENCE OF GLOBALIZATION: CASE OF BELARUS

Abstract. The article considers the ambivalence of globalization based on the case of Belarus. The theoretical framework and methodological basis of the analysis are the following concepts: the ambivalence of modernity by Zygmunt Bauman, multiple modernities by Shmuel Eisenstadt, glocalization by Roland Robertson and the plural flows of globalization by Arjun Appadurai, Malcolm Waters, John Urry. The author of the article studies the uneven involvement of Belarus in the processes of globalization in the political, military, economic and environmental dimensions. Additionally, the author analyzes the development of the authoritarian political regime in Belarus (new authoritarianism in the Jerzy Vyatr's terminology) and the appearance of such a phenomenon as the globalization of authoritarianism. It is stated that Belarus is becoming a regional and global actor, a donor of authoritarianism (inclusion in the globalization through the expansion of authoritarianism). Particular attention is given to the civil protest events that took place in Belarus in 2020-2021. They contributed to the making of a new political subjectivity (civic national identity) and to a counter consolidation of the authoritarian political regime. The author concludes that Belarus is an example of the strengthening (in terms of paternalism and authoritarian state governance of the population) the role of the nation state (Belarusian autocracy) in the context of border closure due to the COVID-19 pandemic and a new wave of de-globalization.

Keywords: ambivalence of modernity, multiple modernities, globalization, glocalization, new authoritarianism, globalization of authoritarianism, Belarus, deglobalization.

For citation: Rolionok A.V. (2022) Ambivalence of globalization: Case of Belarus. Science. Culture. Society. Vol. 28. № 1. P. 20–32. DOI: 10.19181/nko.2022.28.1.2

References

1. Bauman, Z. (2010) *Modernity and the Holocaust*. M. : Europe Publ. 316 p. (In Russ.).
2. Eisenstadt, S. N. (2000) Multiple Modernities. *Daedalus*. Vol. 129. No 1. Pp. 1-30 (in Eng.).
3. Hell, D. [et al.] (2004) *Global transformations : Politics, Economics and Culture*. M. : Praxis Publ., 576 p. (In Russ.).
4. Stiglitz, J. (2000) *Globalization and its discontents*. Great Britain : Allen Lane, The Penguin Press (in Eng.).
5. Robertson, R. (1995) Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity. In: Featherstone M., Lash S., Robertson R. (eds) *Global Modernities*. Pp. 25–44. DOI: 10.4135/9781446250563.N2 (in Eng.).
6. Featherstone, M., Lash, S., Robertson, R. (eds) (1995) *Global Modernities*. London : SAGE Publications. 292 p. DOI: 10.4135/9781446250563 (in Eng.).
7. Giddens, A. (2004) *Runaway World: How Globalisation is Reshaping our Lives*. M. : Ves' Mir Publ., 120 p. ISBN 5-7777-0304-6 (in Russ.).
8. Robertson, R. (1992) *Globalization: Social Theory and Global Culture*. London: SAGE Publications. 211 p. ISBN 0-8039-8187-2 (in Eng.).
9. Robertson, R. (1990) Mapping the Global Condition: Globalization as a Central Concept. *Theory, Culture & Society*. Vol. 7. No. 2. Pp. 15-30. DOI: 10.1177/026327690007002002 (in Eng.).
10. Ivanov, D. V. (2020) Augmented Modernity: Effects of Post-globalization and Post-virtualization. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 5. Pp. 44–55. DOI: 10.31857/S013216250009397-9 (in Russ.).
11. Therborn, G. (2005) Globalization and Inequality: Issues of Conceptualization and Explanation. *Russian Sociological Review*. Vol. 4. No 1. Pp. 31-62 (in Russ.).
12. Furs, V. (2005) Belarusian “reality” in the system of coordinates of globalization. *Topos*. No. 1. Pp. 5-18 (in Russ.).

13. Furs, V. (2007) The Belarusian Project of Modernity? In: *Evropeiskaya perspektiva Belarusi: intellektual'nye modeli [The European Perspective of Belarus: Intellectual Models]*. Vilnius : EGU Publ. EGY. Pp. 43-59 (in Russ.).

14. Regressive sociality? Post-soviet societies in the globalization coordinate system : round table on the occasion of the 10th anniversary of V. Furs's death. *Topos*. 2020. No. 2. Pp. 64-78 (in Russ.).

15. Furs, V. (2008) On the question of "Belarusian identity". *Novaya Ehjropa*. URL: https://n-europe.eu/article/2008/12/05/k_voprosu_o_«belarusskoi_identichnosti»_1 (last request 19.11.2021) (in Russ.).

16. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century* / Ed. by J. Wiatr. Opladen; Berlin; Toronto : Verlag Barbara Budrich, 2019. DOI: 10.2307/j.ctvdf08xx (in Eng.).

17. Appadurai, A. (1996) *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis; London : Univ. of Minnesota Press. 229 p. (In Eng.).

18. Larry Diamond, Marc F. Plattner and Christopher Walker (eds) (2016) *Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy*. Baltimore : Johns Hopkins University Press. 256 p. ISBN 978-1421419978 (in Eng.).

19. Bogaert, K. (2018) *Globalized Authoritarianism: Megaprojects, Slums, and Class Relations in Urban Morocco*. Minneapolis : Univ. of Minnesota Press. 312 p. ISBN 9781517900816 (in Eng.).

20. Berch Berberoglu (ed) (2020) *The Global Rise of Authoritarianism in the 21st Century: Crisis of Neoliberal Globalization and the Nationalist Response*. Routledge. 324 p. ISBN 978-0367426781 (in Eng.).

21. Bloom, P. (2016) *Authoritarian Capitalism in the Age of Globalization*. UK : Essex Business School, University of Essex, Edward Elgar Publishing Ltd. 232 p. ISBN 978-1-78471-313-3 (in Eng.).

22. Bainiev, V., Vinnik, V. (2010) Genuine democracy and people's statehood. *Belaruskaya Dumka*. No. 11. Pp. 64-68 (in Russ.).

The article was submitted on November 23, 2021.
Accepted on December 20, 2021.

Information about the author:

Andrei V. Rolionok, independent researcher, MA in philosophy. Minsk, Belarus.
e-mail: rolyenok@gmail.com